

МЫ ПРИХОДИМ В КОНЦЕРТНЫЕ ЗАЛЫ...

Недавно я почувствовал, что забыл голоса некоторых актеров, чтецов, чьи интонации должен бы помнить. Зато в памяти моей звучат голоса моих товарищей по перу. Даже тех, кого слушать не всегда интересно. Просто я слышу их чаще. В ушах у меня — цифры, бодро произносимые в Киеве руководителями писательского бюро пропаганды. Тысячи вечеров, сотни тысяч слушателей. Осветили, отразили, обеспечили...

Мне кажется, что аудитория любого писателя, порой даже посредственного, бывает куда большей, чем аудитория нескольких чтецов довольно высокой квалификации. Писатель чаще появ-

ляет на телевизионном экране, регулярно выступает по радио, принимает участие в больших вечерах. Человек, профессией которого всегда было слово написанное, все больше запоминается как автор слова произнесенного.

Виталий КОРОТИЧ,
лауреат премии имени Н. Островского

Недавно мы вместе с Робертом Рождественским ехали в поезде. Поэта узнавали все: проводники, пассажиры в соседнем купе, официанты вагона-ресторана. И дело не только в том, что Рождественский хороший поэт. Узнавали ведь его не только читатели, узнавали телезрители.

Я не раз думал об этом и вновь думаю, потому что, как бы там ни было, «тираж» стихов, прочитанных по Центральному телевидению, в сотни и тысячи раз превосходит средний тираж поэтического сборника. А так называемый авторский вечер — особый род званания человека, чью книгу прочли уже, запомнили.

Выходя на эстраду, я всегда несколько минут молчу, оглядывая зал. Пытаюсь понять, кто сюда пришел по праву старого друга — читателя, слушателя, знатока, кто — случайно, ожидая слов, еще им не читанных, а то и вовсе ничего не ожидая. Просто так, случайно попал.

Для писателя привычными становятся чисто актерские впечатления и критерии. Хочется высказать несколько мыслей, возникших у меня после одного из моих вечеров в Киеве. Мыслей общих и частных, ибо нет и не может быть ни устоявшихся схем, ни рецептов, по которым творятся авторские вечера. Хотя, надо сказать, чаще они творятся как однотомники: с аннотацией, предисловием, отрывками из поэм, стихов и заключением. Мне думается, это не всегда кстати. Вечер должен быть общением непосредственным. Ведь если слушателям надо еще растолковывать, кого они пришли слушать (в твоём-то собственном городе), вряд ли это должно радовать выступающего поэта.

И все-таки выход на концертные подмостки — особый ли это вид творчества, отдельный жанр? Коли уж без вступительного слова не обойтись, что говорить?

Всем известно, что многие поэты начинают писать прозу и аналитические статьи, вскрывающие механику их собственного творчества. Такие работы ложатся порой в основу научных трактатов, хотя для поэта путь чопорной логики зачастую чужд.

Что служит толчком для подобных экспериментов? У каждого, конечно, свои причины. Но, думаю, в основе — желание искать, расширить прежний диапазон, выразить себя полнее и лучше. Вдруг оказывается: не все волнующие тебя мысли немедленно вырастают в стихи. И тогда они становятся публицистической прозой.

У меня (насколько знаю, не только у меня) вначале возникает желание говорить. Проверять слова на ощупь, на вкус, произносить их с той же ответственностью, с какой хочу написать. Говорить с людьми, людям, чувствовать их дружелюбность или пусть даже непонимание. Главное — ощутить их реак-

цию. Счастье, когда такое желание совпадает с возможностью его реализовать — с авторским вечером или просто выступлением в клубе, доме культуры, на радио, по телевидению.

Они, по-моему, должны стать сплавом стихов, уже написанных, законченных, сделанных, и мыслей, только-только возникших в тебе, рождающихся, не ставших еще ни фразами, ни строфами стихов. То есть надо одновременно и подвести итог сделанного, и пробудить зародыш нового. Чего? Ни автору, ни читателям это неизвестно во всех подробностях. Постоянно с тобой лишь главное — ты советский поэт, каждой мыслью и словом связанный с делами страны своей, с народом и его замислами и свершениями. Остальное рождается в общении с залом, внимательно слушающим тебя, обязывающим и вдохновляющим.

Ты думаешь вот сейчас, сию минуту и призываете зал к соучастию, к совместному думанию. Мне кажется, авторский вечер поэта — это синтез уже готовых стихов и импровизации. Дабы дать слушателям возможность оценить и то, что ты сделал вчера, и то, что способен будешь сделать завтра. Может статься, что и сам ты там, на сцене, вдруг отчетливее представишь этот свой завтрашний день.

Я с этого начинал и вновь повторяю, что в наше время мастера слова писаного получили небывалые средства для общения, разговора с миллионами людей. Радио, телевидение предоставляют возможности безграничные. Поэтому так важна сейчас и мысль, и форма ее, обличье. Кроме всего прочего, чистота нашего языка, умение им владеть. Ведь слушают выступления писателя миллионы.

Прискорбно, но то ли из-за множества выступлений, то ли из-за неподготовленности иных выступающих преподаватели языка и литературы уже не столь часто предлагают ученикам слушать литературные передачи как образцы владения родной речью. А я до сих пор храню в памяти выступления Леонова, Рыльского, Тычины, Твардовского — безукоризненно точные по языку, проникнутые любовью, уважением к нему. Не произошло ли параллельно с увеличением общего числа выступлений и слушателей некоторое снижение роли писателя как великого стража, контролера чистоты речи? Мы бываем небрежны в произноше-

нии, а иной раз даже и в написании слов, подстегиваемые иной, более важной, как нам кажется, задачей.

Кстати, о разобщенности, существующей порой между писателями и, скажем, режиссерами и актерами. Работая с мастерами театра, литератор может многое для себя почерпнуть: овладеть устным словом и, что не менее важно, научиться общению с залом.

Написав вместе с Юрием Гуляевым несколько песен, я многое уяснил для себя. Именно потому, что мы работали вместе, создавая тексты и музыку, привязанные к определенным обстоятельствам, определенному образу исполнителя, конкретной сценической площадке. Многие мне дала работа с киевским театральным режиссером Ириной Молостовой. Вдруг мы заговорили о стихах моих так, словно они никогда прежде вслух не читались. И тут я понял, что порой неверно читаю собственные тексты.

Сотрудничество режиссера, актера и поэта совершенно необходимо. Сколько мне с восхищением рассказывал Кайсын Кулиев о том, как отец Яков Смоленский глубоко и верно интерпретирует его стихи. Рассказывал, как о редкости, как о счастье, которое хочется сохранить.

Пока поэты чаще всего выступают, как умеют. С актерами, читающими их произведения, они обычно и вовсе незнакомы. А жаль! Жаль мне, что на Украине, например, сейчас нет поэтического театра, да и спектаклей поэтических в репертуаре драматических трупп не упомяну (я имею в виду композиции на тексты современных поэтов, совместные работы театра и поэта).

Происходят встречи писателей с читателями. Во многом это тот же театр одного актера, только без постановочной группы.

Формы проведения литературных вечеров, конечно же, могут быть различными. Можно поговорить в шум, спорах студенческой аудитории, в заводском цехе, в сдержанной тишине филармонических залов. Важно главное — каждый вечер должен быть целенаправленным и высокопрофессиональным. Место действия, обстановка

**Авторский вечер поэта —
живое слово, обращенное
к слушателям.**

диктуют свои правила поведения, манеру говорить, слушать. Все это — большое искусство. Но меня порой не покидает тревога, что оно творится впопыхах. Говорим: традиция Маяковского, подразумеваемая чаще всего пиджак на спинке стула и остроумного дискусанта на сцене. Бывало и так, но не надо забывать, что Маяковский работал с Мейерхольдом, с Эйзенштейном... Любовь к читателю, зрителю, любовь к искусству, высокая убежденность — вот постоянные составные.

Вспоминаю поэтические вечера выдающихся мастеров. Помню Максима Рыльского, который выходил на сцену с толстой книгой стихов, переписанных им от руки. Он читал — зал слушал. И не было там никакого отслоения формы от сути, просто живое, подлинное звучание слова, стиха.

Обнаженное слово, обращенное к залу, в котором сидят люди. Слово, причастное к острейшим проблемам времени! Не мало ли мы говорим и спорим о его путях к зрителю? Мы, пишущие и произносящие слова...

КИЕВ.